

О некоторых аспектах французского и британского колониализма

Комментарий Центра АРВАК, 24.08.2024

Исторически, французский и британский колониализм зародились практически одновременно, развивались в едином алгоритме военно-политического экспансионизма, конкурировали друг с другом, вели между собой войны как на просторах планеты, так и непосредственно в континентальной Европе. По сути, именно колониальная политика этих двух держав сформировала их нынешний облик и культурно-цивилизационное наполнение, а также обеспечила место среди геополитических акторов современности.

Примечательно, что именно эти две державы на сегодняшний день фактически удержали свой «колониалистический» статус, который, в зависимости от угла зрения, принято считать либо преимуществом, либо изъяном в современном мире. Испанский, бельгийский, голландский, португальский колониализм давно изжил себя как форма реализации геополитических амбиций, оставив после себя горстку рассеянных по планете островных владений указанных стран как напоминание об эпохе заокеанского господства этих некогда великих европейских держав.

С Великобританией и Францией дело обстоит иначе. После распада в середине 20-го века обширных колониальных владений стран Европы, Лондон и Париж сумели сохранить за собой ряд территорий в ключевых регионах мира, которые в форме различных политико-административных субъектов остались в подчинении названных метрополий. Общая площадь британских заморских владений составляет 18.131 кв.км. Кроме того Лондон претендует на часть Антарктиды площадью в 1.700.400 кв.км, но на данный момент, согласно международному Договору об Антарктиде, территориальные претензии на этом материке заморожены. В свою очередь Франции принадлежат колониальные владения в мире численностью в 13 административных территорий общей площадью в почти 560.655 кв.км. Претензии Парижа на Французскую землю Адели в Антарктике также заморожены ООН.

Утрата в 20-ом веке политического суверенитета над бывшими обширными колониями и доминионами заставила Великобританию и Францию пойти на поиск форм взаимодействия с ними для сохранения своего влияния на бывших подчиненных территориях. Так Великобритания учредила «Содружество наций», в которое входят все территории и государства (Канада, Австралия, Индия и т. д.), когда-либо находившиеся под властью Британской короны. В свою очередь Франция организовала союз «Франкофонии», членами которого являются как нынешние французские заморские департаменты, так и государства, отделившиеся от европейской метрополии в период активной деколонизации прошлого века. Эти интеграционные форматы призваны не только сохранить цивилизационное наследие эпохи расцвета колониализма, но также обеспечить в бывших владениях комфортную среду для капитала и политических интересов прежних метрополий. Тем самым, напор на традиционализм призван компенсировать утрату политического протектората над прежними колониями.

Что же касается тех заморских территорий, которые до настоящего времени находятся под полной властью Лондона и Парижа, то в их отношении метрополии также используют схожие методы управления. В основном для этих колоний они внедрили два статуса – а) самоуправляющиеся территории и б) владения, находящиеся в прямом подчинении метрополиям. Следует подчеркнуть, что в этом плане Французская Республика проявляет большую либеральность, нежели Соединенное Королевство, поскольку у Парижа форма прямого подчинения действует только во Французской Полинезии. И эта либерализация имеет тенденцию к росту. К примеру, Париж не препятствовал трем (!) референдумам за последние 6 лет в Новой Каледонии, на каждом из которых население этой колонии проголосовало против суверенитета и отделения от метрополии. Между тем, подавляющее большинство британских заморских земель, включая Гибралтар, лишено самоуправления, не говоря уже о правовых механизмах достижения полной независимости.

Современные веяния в равной мере требуют и от Лондона и от Парижа окончательно перевернуть страницу своего колониализма. В феврале 2020 г. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, в канун 47-летия организации выступая перед участниками подготовительной сессии Специального комитета по деколонизации заявил, что процесс окончательного демонтажа колониализма в мире необратим. По его словам, к моменту создания ООН в середине прошлого века 750 млн людей на планете проживали в колониях и, фактически, пребывали в рабском подчинении у нескольких стран. Благодаря усилиям ООН, которые отразились в резолюциях 1946, 1960, 1962 гг., эти народы избавились от империалистического гнета и обрели независимость. На данный момент число колониализированных людей сократилось до чуть менее 2 млн, а территорий, остающихся в статусе полного подчинения метрополиями, осталось всего 17. Однако и они должны, согласно Гутерришу, «*быть освобождены*» либо, по меньшей мере, обрести самоуправление. Следует особо подчеркнуть, что из 17 несамоуправляющихся колоний лишь 2 принадлежат Франции (Новая Каледония и Французская Полинезия), между тем как остальные 15 находятся в подчинении Великобритании, США и Новой Зеландии. Причем, как уже упоминалось выше, Париж неоднократно санкционировал проведение референдума о независимости в Новой Каледонии, будучи готовым принять любые его итоги, вплоть до независимости этого тихоокеанского архипелага. Что же касается совокупности остальных 15 земель (10 из которых принадлежат Великобритании), которые можно условно назвать «*осколками англосаксонского колониализма*», то на данном этапе о демократических процессах, делающих возможным их отделение от метрополий, речи пока не идет.

С точки зрения международного права именно Франция имеет наиболее либеральный и гуманный подход к проблеме, о которой говорил А. Гутерриш, и именно к ней, по идее, ООН должна иметь меньше всего вопросов в контексте окончательного разрешения «*колониального вопроса*». И если международное сообщество не желает ставить Францию в пример той же Великобритании за

наименьшее препятствование процессу деколонизации, то по меньшей мере должно быть объективным и не девальвировать «французский прогресс».

И, тем не менее, именно Франция сейчас стала мишенью антиколониальной информационной кампании в мировых СМИ. Речь, конечно, не идет о прямой причастности ООН и лидирующих в этой международной организации стран к процессу девальвации международного престижа Пятой Республики. Однако, масштабы антифранцузской пропагандистской кампании и проводящаяся совместно с ней практическая деятельность по подрыву французских позиций на международной арене не оставляют сомнений в том, что существует целый ряд заинтересованных в этом сил. Учитывая более чем скромные возможности Азербайджана, оказавшегося на острие антифранцузской пропагандистской кампании, а также его отнюдь не лидирующее место в рейтинге демократических стран, возникают догадки о заинтересованности в действиях Баку третьих сил. На это, в первую очередь, указывает тотальное отсутствие в риторике зародившегося в Азербайджане *«антиколониального движения»* какого-либо упоминания о Великобритании и *«англосаксонском мировом империализме в целом»*. Причем, риторика бакинской площадки содержит постоянные отсылки и исторические экскурсы в *«кровавое колониальное прошлое Франции»*, между тем как аналогичный британский опыт куда более насыщен жестокими событиями и примерами бесчеловечной эксплуатации колонизированных народов.

В целом, сравнительный анализ колониальной истории Франции и Британии заслуживает особого внимания. За прошедшие столетия накопился солидный документальный материал, изучение которого, по отзывам специалистов, свидетельствует о том, что при всей схожести основных этапов завоевания и интеграции колоний в империю, методика их управления и эксплуатации Лондоном и Парижем не была идентичной. В частности, Франция, будучи сопричастной к общей для европейского колониализма тенденции истребления и эксплуатации народов захваченных земель, все же придерживалась более терпимого отношения к аборигенному населению. Главной причиной тому было, с одной стороны, активное участие в колониальных экспедициях католического миссионерского движения, а с другой – зарождение во Франции эпохи Просвещения, одним из краеугольных камней которой считался гуманизм. Понятно, что в практическом плане понятие «гуманизм» в 18-ом веке несколько отличалось от аналогичного термина наших дней, однако даже тогда в сознании французского общества закрепилось понимание необходимости отказа от насилия, как естественного образа поведения в *«новом, просвещенном мире»*. В свою очередь французский католицизм последовательно отстаивал убеждения в том, что для христианской державы предпочтительнее обращать колонизированных аборигенов в *«истинную веру»*, нежели уничтожать этот человеческий ресурс, ссылаясь на его *«дикарство»*. В среде французского миссионерства генерировались идеи о недопустимости работорговли в силу противоречия этого предприятия основным ценностям христианской доктрины, пусть и не выработавшей к тому времени системного отношения к проблеме *«цвета кожи»*. Одним из доказательств тому служит деятельность известного французского

миссионера Дю Тертера, которому приписывается авторство термина «*постыдная торговля*», применительно к «*черной работоторговле*».

Естественно, позитивное влияние просвещения и католического миссионерства не превратило Францию из державы–захватчицы в носителя мира и процветания аборигенным народам колоний, однако заметно уменьшило масштабы жестокости в ее заморских территориях в сравнении с испанцами и теми же британцами. В этом плане показательны события в карибских владениях Франции в середине 17-го века, когда колонисты учинили кровавую расправу над нежелающими покориться индейцами. Однако вспышка насилия, начавшаяся в 1640 г., спустя 20 лет была потушена благодаря компромиссному решению сторон, согласно которому аборигены обязались признать над собой власть французской короны, а колонисты обещали не привозить на Мартинику, Гваделупу и другие острова переселенцев из Европы. Подобная практика действий Парижа наблюдалась повсеместно. Кровопролитие считалось не самым лучшим методом установления своего господства, что, безусловно, ставило французов на шаг вперед по сравнению с, например, испанцами, практически полностью уничтожившими ацтеков, инков и другие народы континентальной Америки. Для французов было важно не «расчищение» захваченных территорий от аборигенов, а максимальное задействование их ресурсов, включая человеческий, на благо метрополии. Эта идея была заложена в доктрину французской колониальной политики в эпоху влиятельного министра Людовика XIV-го – Жан-Батиста Кольбера и получила название «*колониальный меркантилизм*». Именно эта доктрина во многом спасла жизнь миллионам жителей и целым народам, оказавшимся под гнетом французского колониализма.

Весьма примечательно, что со своей стороны Британская империя смогла полностью совместить в своей колониальной доктрине и французский принцип «*меркантилизма*», и испанскую методику тотального уничтожения подвластных народов, не согласных с теми или иными условиями британского господства. Тем самым, британский колониализм можно условно назвать «*бескомпромиссным*», что наиболее точно характеризует жестокие методы управления и тотальной эксплуатации покоренных территорий. Наиболее ярким примером этому служит Индия, где Британская Ост-Индийская компания за два столетия уничтожила местную экономику и демонтировала всю систему социального порядка, поставив эту цивилизацию исключительно на служение британской казне и аристократии. Тотальный грабеж ресурсов Индии и одновременное превращение ее в обширный рынок сбыта британской продукции путем монополизации отраслей поставили эту древнюю страну на грань социальной и цивилизационной катастрофы.

В качестве примера британского управления колонией служит эпохальная махинация с чеширской солью, которую Британия завозила в Индию по цене, втрое превышающей стоимость местной морской. Лондон специальным уголовным законом запретил всем кастам индусов даже поднимать с земли естественные отложения океанической соли. «*Соляная махинация*» – только одна в ряду сотен абсурдных инициатив британских колонистов, реализованных ими по всему миру, которая вскрывает методы и масштабы эксплуатации поработанных народов.

При этом, практика тотального грабежа проводилась в сочетании с периодическими актами геноцида в британских колониальных владениях. В одной только Индии за 200 лет британцами было уничтожено, по разным оценкам, от 100 до 165 млн человек. Только в Бенгалии в 1769-1770 гг. британскими карателями было убито не менее 10 млн человек, что составляло треть местного населения региона. Общая же стоимость разграбленного британцами богатства Индии и ресурсов, присвоенных Соединенным Королевством за два века, согласно подсчетам равна нынешним \$45 триллионам. Однако даже эти выведенные специалистами цифры весьма относительно и неполны для исчерпывающего составления представления об истинных масштабах негативной роли британского колониализма в судьбе поработанных народов. Дело в том, что даже деколонизацию своих основных доминионов в середине 20-го века Лондон осуществил с прицелом на создание для них комплекса проблем, не подлежащим простым и быстрым решениям. Речь идет о преднамеренной демаркации границ бывших доминионов таким образом, чтобы впоследствии вызвать противоречия между соседями и поддерживать очаги напряжения в оставляемых странах и регионах. Проблемы подавления прав национальных и конфессиональных меньшинств, территориальные споры между Индией и Пакистаном, Индией и Китаем, Бангладеш и Бирмой, Пакистаном и Афганистаном и т. д.: все это является политическим наследием эпохи британского колониализма. И это только в одном регионе планеты. Подсчитать человеческие потери, экономические убытки, политические издержки от самоуправства Лондона с границами приобретших суверенитет бывших доминионов не представляется возможным, поскольку очаги напряженности на протяжении семи десятилетий продолжают тлеть, и пока не видно перспектив разрешения этих проблем в будущем.

Указанные примеры являются характерным почерком британского неоколониализма: осуществить бескровный демонтаж старой колониальной системы, но сделать это с прицелом на кровопролития и перманентную дестабилизацию в долгосрочной перспективе. История свидетельствует, что Лондон практически без войн отказался от своих владений в 20-ом веке, между тем как с Парижем наблюдалась обратная картина. Франция в некоторых случаях предпочла удержать свое господство над стремящимся к полной независимости колониями. Так, независимости Вьетнама, Лаоса и Камбоджи от Франции предшествовала Индокитайская война (1946–1954), а Алжир стал суверенным государством после франко-алжирской войны (1954–1962). Однако следует учесть, что французские колониалисты после своего «кровопролитного» ухода не оставляли «бомб замедленного действия», а деколонизация определенных стран и регионов зачастую становилась реальностью не по итогам военного поражения, а в результате внутриполитических процессов и роста цивилизационного сознания в собственно французском обществе. Так произошло в случае с Алжиром, где Париж одержал военную победу, однако политическая воля французских властей во главе с де Голлем помогла этой арабской стране приобрести долгожданный суверенитет. В результате проведенного в апреле 1962 г. общенационального референдума 91% французов одобрило дарование суверенитета бывшей французской североафриканской колонии.

Это свидетельствует о том, что Франция уже тогда начала исповедовать веру в «мягкую силу» и свою способность сохранить влияние и «дружественную опеку» над отделившимися доминионами. Надо особо отметить, что культурно-цивилизационная экспансия Франции продолжалась и после того, как ее колонии получили независимый статус. Сами эти государства не противились такой экспансии, и даже способствовали ее наращиванию, как оставшемуся единственному способу сохранить динамичные отношения с прогрессивным миром и оказаться в цивилизационном русле развивающихся стран. Так было в случае с отделившимся Алжиром, Ливаном и целым рядом африканских стран. И главным гарантом сохранения влияния и фактического полновесного присутствия в этих государствах для Франции послужили история ее извечной внутренней борьбы за обуздание колониальной бесчеловечности и раскаяние целых поколений французских политиков и общественных деятелей за чрезмерную жестокость империи. Результатом этих внутренних метаний стал и процесс частичного возврата долга колониям и разделения с ними своего культурно-цивилизационного потенциала. Ни в коем случае не следует идеализировать империалистический по сути облик этого европейского государства, однако нельзя не констатировать тот факт, что Франция не только «выносила» из колоний выгоду, но и на определенном этапе начала «вносить» туда частичку себя.

Это именно то, чего не наблюдалось в поведении британского колониализма. Показательным выглядят даже нынешнее сравнение состояния дел на осколках колониального наследия этих двух государств. Французские владения более свободны в плане самоуправления и самоопределения, тогда как британские земли с аборигенным населением в подавляющем своем большинстве лишены таких привилегий. Более того, примерно половина британских заморских земель не является, по типу французских, неоспариваемым владением метрополии. К примеру, статус Фолклендских островов благодаря Аргентине находится в подвешенном состоянии. Или статус местечек Акротири и Декелия на Кипре, британский суверенитет над которым оспаривается Никосией.

Опора на силу, но не на право в сохранении британского господства очевидна. Колониальное наследие Соединенного Королевства во многих своих чертах сохранило принципы средневековой колониальной эпохи и, похоже, британцы не спешат от них отказываться, по крайней мере, на данном этапе. Одно из самых ярких доказательств – наличие до сих пор «Тайного совета» при короле и кабинете министров, который единственно обладает правом без законодательных инициатив в любом порядке менять статус доминионов, земель короны, протекторов и т. д. Это, в свою очередь, значит, что Лондон закрепил за собой право всегда и при любых обстоятельствах без оглядки на международное сообщество и волю объектов своей колониальной политики определять их собственную судьбу.

Именно учитывая эти обстоятельства нельзя не считать нонсенсом нападки определенных сил и стран, стоящих за ними, на Францию, по факту – самую либеральную из колониальных держав, из когда-либо бывших и ныне оставшихся. Пятая Республика подвергается пропагандистскому и политическому давлению, которое она не заслужила ни в правовом, ни, тем более, в моральном плане. И было

бы верхом наивности предполагать, что за беспорядками в Новой Каледонии и генерацией протестного движения в других французских владениях, организацией всевозможных форумов *«народов–жертв французского колониализма»* стоит сам Азербайджан и, даже, Турция. Это неправдоподобная версия, ровным счетом как и та, что Баку заразился идеей *«бескорыстно включиться»* и, даже, *«возглавить»* антиколониальное движение в мире. Ведь мишенью этой инициативы почему-то стала только Франция, и без того осознающая закат мировой колониальной эпохи и старающаяся перевернуть последнюю страницу этой своей истории бескровно и достойно. По-видимому, ее главные конкуренты имеют несколько иные планы на этот счет. Ведь мирное решение Парижем этой проблемы, возможно, и перед ними поставит аналогичное обязательство.